

МБУК «Курганинская МЦБС»
Центральная районная библиотека

Валерий Фатеев

ВБРОД

ПО ЖИЗНИ

стихи разных лет

г. КУРГАНИНСК
2011г.

*Вы, не считая за дерзость это,
позвольте Вам преподнести
сей незамысловатый стих
провинциального поэта.*

Фатеев В.

Вброд по жизни: Стихи / МБУК «Курганинская МЦБС»;
Центральная районная библиотека - Курганинск, 2011. – 40 стр.

МБУК «Курганинская МЦБС»
Центральная районная библиотека

Валерий Фатеев

ВБРОД ПО ЖИЗНИ

СТИХИ

г. КУРГАНИНСК
2011г.

Я рубил узлы с размаху, я испытывал судьбу, рвал от ворота рубаху, рвался в драку и в гульбу. Никому не слал проклятий, никогда не помнил зла и в графе «Ваш род занятий» я писал: «свои дела». Сдержан в гневе, дерзок в страхе. Далеко не идеал. Не любитель биографий. Не был. Нет. Не состоял.

Цыганка.

Парень - кровь с молоком, непутёвый нахал,
широко и легко я по жизни шагал,
напевал на ходу и подбрасывал в такт
на ладони судьбу, полустёртый пятак.

Не урод, не дурак - чем плохое житьё?
Неразменный пятак - всё богатство моё,
не мешают идти ни тоска, ни печаль.
Но цыганку в пути я тогда повстречал:

вся одета в тряпье, да в преклонных летах...
Пожалел я её и отдал ей пятак,
он старухе нужней - я пожил уже всласть,
и судьба моя к ней на ладонь улеглась,

в её ветхий карман проскользнула легко,
тихо звякнула там среди чужих медяков.
Как беззвёздная ночь у цыганки глаза,
побрела она прочь, на прощанье сказав:

«Смерть твоя - далеко. Без болезней и бед
проживёшь ты легко свои семьдесят лет».
Был я весел и скор, был удачлив и смел,
а уж с тех самых пор, ну, совсем обнаглел:

и в смертельном бою, и в похмельном пиру
дерзко чашу свою подхожу и беру,
если что-то не так, я иду напролом
и взлетает пятак, и ложится - орлом.

В этой вечной игре на кону - голова.
Уж виски в серебре, но цыганка жива,
продолжает таскать тяжесть лет на горбу
и мою разменять не успела судьбу.

Парадокс.

Вот, к примеру, в стране Сенегал
(это в Африке) я не бывал,
но могу рассказать в пять минут,
как там негры неплохо живут.

Или, скажем, планета Нептун,
в окружении маленьких лун
величаво плывёт в пустоте,
и дивлюсь я её красоте.

Еще дальше - звезда Альтаир.
Неизведанный, яростный мир
хлещет пламенем белым, тугим
(я его представляю таким).

Вообще-то, на весь Млечный Путь
я могу отстранёно взглянуть:
у галактики здесь на краю
я сейчас в размышленье стою,

и Вселенная - мыльный пузырь,
смесь туманностей, звёзд, «чёрных дыр» -
и пространство, и время гоня,
разлетается прочь от меня.

Вот такие творятся дела.
Да, но как уместиться смогла
вся Вселенная (могут и две)
в заурядной моей голове?

В ней уже было тесно и так:
Верка с Нинкой, Высоцкий, «Спартак»
и червонец, который опять
мне пришлось до полочки занять;

и, бывает, в её глубине
заслоняет Вселенную мне

Веркин бюст, или, там, Нинкин торс...
Вот такой вот, друзья, парадокс.

Темрюк

*«Если выпало в империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря»
И. Бродский*

В провинции у моря я живу,
как рекомендовал Иосиф Бродский.
Бездельничаю. В увлечениях плотских
топчу сырой песок и мну траву.

Во мне приморский городок Темрюк,
когда о нём я слышал в кои веки,
рождал ассоциации: узбеки,
Омар Хайям, шербет, халва, урюк.

И вот я здесь по улицам брожу
и, с некоторой долей удивленья,
смотрю по сторонам, и подтверждение
своих ассоциаций нахожу.

Урюка нет, но делают изюм,
на рынке попадают узбеки,
и солнце будит чувства в человеке,
и, может, чей-то изощрённый ум

скользит, одолевая жизни бред,
от Бродского к Хайяму, и обратно.
А девушки - так аппетитно статны
и с виду много слаще, чем шербет.

К моим ногам ласкается Азов -
осколок мирового океана -
огромная просоленная ванна,
раздолье осетровых и пловцов,

готовых хоть в Америку грести.
И море лижет брюхо теплоходу,
а он усами вскидывает воду.
До заграницы - полчаса пути.

Отделены границею, увы,
потомки запорожцев или ляхов,
(чей жребий был, по сути, одинаков:
три сотни лет зависеть от Москвы).

Здесь, закипела жизнь, когда они,
по бабьей прихоти Екатерины,
беспрекословно вольности отринув,
разбили по Кубани курени,

с тех пор корнями прорастая в нас,
являясь то в характерах, то в лицах
(с украинской певучестью в станицах
«балакают» старухи и сейчас).

Я здесь стараюсь время провести
вальяжно, грациозно и лениво,
жизнь протекает столь неторопливо,
что дважды два равняется - пяти.

И счастлив я, слоняясь не у дел
в обнимку с лёгким и вихрастым ветром,
уже не в строчках меряя, а в метрах
стихотворение. Но есть предел

всему. Темрюк, я расстаюсь с тобой
и что-то уношу в душе такое...
Поэты, как ценители покоя,
на берег твой сбредаются гурьбой,

поскольку знают - времени река
в пространстве огибает место это.
Вот если бы я мнил себя поэтом -
я стал бы вечным гостем Темрюка

и в нём бы ухитрился провести
всю жизнь, с её непостижимым смыслом,
с любимыми встречаясь лишь по числам
таинственным и кратным девяти,

а в остальное время, как аскет,
потребности сужал до чашки чая,
писать стихи пытался, получая
от Бродского насмешливый привет.

Соловьём не может петь сова.
Алой розой не цветёт терновник.
Я ищу забытые слова,
я - смутьян, зачинщик и виновник -

вот такая обо мне молва.
Но теперь, сражённый чувством тайным,
я, всю жизнь качающий права,
стал вдруг робким и сентиментальным.

Впрочем, разговор не обо мне -
без тебя нет ни стихов, ни песен,
ни звезды в полночной вышине.
Ну а я... Кому я интересен?

Поговорим сегодня о тебе.
Я твой портрет по памяти рисую,
ты - светлый луч в моей лихой судьбе,
крестом нательным образ твой несу я.

С богинею, восставшей ото сна,
тебя, моя звезда, сравню я смело.
Ты - Афродита! Ты сама Весна,
вступившая в российские пределы.

К тебе подснежник тянется: «Возьми!»,
прильнув к твоим ногам, стихает ветер.
И перед Богом, и перед людьми
я за тебя, любовь моя, в ответе.

Я сто сонетов для тебя сложу,
я на всю жизнь служить тебе поклялся.
Пусть говорят, что я с ума схожу.
Кто не был сумасшедшим - не влюблялся.

Ждать тебя и маяться тоскою,
злиться на молчащий телефон
в зыбком состоянии покоя,
так похожем на кошмарный сон,

в сотый раз просматривать газету,
вздрагивать от стука каблуков,
в пепельнице комкать сигарету...
Ждать на протяжении веков,

в ясный полдень, в сумерки, в ненастье
(падает ли снег, идёт ли дождь).
Боже мой, какое это счастье -
ждать тебя и знать, что ты придёшь.

Не зовёшь, не любишь и не ждёшь,
за окном лицо как на иконе.
На моей ладони пляшет дождь
и стекает ручейком с ладони.

Сумерки, сводя меня с ума,
занавесом падают меж нами,
и гнетёт кубанская зима
слякотью, туманами, дождями.

Пляшет дождь тягуче, как в бреду,
шелестит по дереву, по ставню...
Завтра снова я сюда приду
и кусочек жизни здесь оставлю.

Всласть, богатство, слава вновь и вновь
ничего не дарят, кроме скуки.
Жизнь наполнит смыслом лишь любовь.
Пляшет дождь. Я умываю руки:

пусть вокруг другие, гомоня,
со стола богов воруют крохи,
есть одно лишь счастье для меня -
разглядеть в окне твой нежный профиль.

То ли дождь, то ли снег,
то ли слёзы сквозь смех -
твои мокрые щёки целую при всех,
напоказ, не таясь
и ничуть не боясь,
что становится явною тайная связь.

Суд людской? Да Бог с ним -
я люблю и любим!
Прикасаюсь губами к ресницам твоим,
к влажным прядям на лбу.
Искушая судьбу,
с губ твоих, сочно-сладких, снимаю табу.

Радость редкостных встреч,
хрупкость ангельских плеч.
Опасаясь людское внимание привлечь,
среди праздной толпы
мы на ласки скупы.
Но сплелись две руки, две души, две судьбы.

Сквозь туман и обман, сквозь колючки и крючья молвы,
то колдунья, то фея с глазами печали глубокой,
словно солнечный луч, ты идёшь, не сминая травы,
в суете и в толпе оставаясь всегда одинокой.

Я украдкой смотрю (опасаясь насмешки навлечь,
задыхаясь от нежности и от восторга немея)
на ресницы твои, плавность линий, изящество плеч,
на твою, поцелуюм и ласкам открытую, шею.

Ни бесплодность надежд (что-то ты размечтался, старик),
ни упреки ханжей, ни мораль надо мною не властны,
возвращаются сны, от которых давно я отвык,
возрождается дух для решений холодных и ясных.

Где бы ты ни была - за твоими плечами дышу,
словно ангел-хранитель на крыльях непрочных, бумажных.
Что я вижу во снах - никому никогда не скажу.
Как тебя я люблю - умолчу. Да тебе и не важно.

Мечтаю о тебе в любое время года,
в любых краях Земли - мечтаю о тебе.
Ты - воздуха глоток, желанная свобода,
ты - счастья островок в моей лихой судьбе.

Великолепна ты, когда легко и стройно,
виденьем неземным в мои приходишь сны.
Я становлюсь тогда покорным и спокойным,
и счастлив, как солдат, вернувшийся с войны.

И знойным летним днём, и вечером весенним,
в осенний листопад и снежною зимой
мечтаю об одном - припасть к твоим коленям,
или к твоей груди склониться головой.

Я к тебе одной любовью полон.
Прочих чувств и разума лишён,
я тобой навеки околдован,
увлечён, опутан, обольщён.

Тем и счастлив. И судьбу другую
не хочу, не знаю, не молю.
Я тебя - одетую, нагую,
грустную, весёлую - люблю.

Я тебя укурю лепестками,
я тебя закутаю в стихи,
поровну поделим между нами
радости, печали и грехи.

Для меня твой каждый взгляд - награда,
для тебя я всё перетерплю.
Ну, спроси: зачем мне это надо.
Лишь затем, что я тебя — люблю.

Бесконечное время течёт,
обновляя и мысли, и вещи нам.
Отступает в историю год,
унося всё, что было обещано.
А меня где-то женщина ждёт,
в мире самая лучшая женщина,

в снах моих меня сводит с ума,
грациозная, тонкая в талии.
Но уже разгулялась зима
от Ростова и к северу далее,
значит скоро дожди и туман
принесёт нам циклон из Италии,

похоронит мечты до весны,
разлучит, равнодушная бестия,
и с надеждой, проникшей во сны,
и с любовью, которую встретил я
на краю этой странной страны,
на исходе двухтысячелетия.

Рвётся жизнь, словно лента в кино,
государство в агонии корчится,
у меня настроенье одно -
досмотреть, чем всё это закончится.
Без тебя бы я умер давно,
лишь в тебе мне спасенье пророчится,

и уже не волнуют мне кровь
ни богатство, ни должности «хлебные»,
но упрямо шепчу вновь и вновь,
как последнее средство целебное,
сокровенное имя - Любовь.
Без которой и глохну, и слепну я.

Я зиму пережил и не сошёл с ума.
Подмигивает мне весеннее светило,
как новый медный грош, оно к нам прикатило,
чтоб отогреть людей, деревья и дома.

Мы всё простим зиме, не поминая зла,
и в жилах, и в стволах вскипят, забродят соки,
но не забудем, что всему выходят сроки,
и все мы будем там, куда зима ушла.

Встречать и провожать, всю жизнь, из года в год,
надеяться, мечтать, отчаиваться, плакать,
упорно ждать весну в жару, мороз и слякоть,
и тех благословить, кто нас переживёт,

всё это - бытие. Прощая и любя,
мы сами придаём движение Вселенной,
и остаётся Жизнь священной и нетленной...
Но всё теряет смысл, коль рядом нет тебя.

Когда ты со мною в ссоре -
грохочут в горах обвалы
и волны бушуют в море,
и рушатся в воду скалы.

Когда ты со мною рядом -
стихает покорно ветер.
Улыбка твоя наградой
мне даже в потёмках светит.

В каких бы краях я не был -
к тебе ведут все дороги.
Срываются звёзды с неба
и падают нам под ноги,

созвездья плывут, играя
симфонию нам обоим.
Влюблённым не нужно рая -
мы носим свой рай с собою.

Мне перестали сниться сны.
В объятьях тьмы и тишины
проходит ночь, как Божий суд,
и нет спасения ни тут,
ни там, за роковой чертой,
с её слепящей пустотой.
И лишь на грани, словно тень,
воспоминанье: майский день,
пыл юности, восторг в крови
и, на признание в любви,
её презрительный ответ.

С тех пор я прожил тридцать лет,
но и во сне, и наяву
лишь по инерции живу.
Да, можно без любви прожить:
работать, в армии служить,
жениться, завести детей,
в плену пороков и страстей
грешить, замаливать грехи,
писать салонные стихи,
и даже, иногда, шутить,
смеяться... В общем - можно жить.
Всё так. Но только, с той весны
мне перестали сниться сны.

Извини
(салонное)

Я молчаньем тебя оскорбил.
(ах, для счастья нам нужно так мало).
О, клянусь, если б я полюбил -
ты была бы моим идеалом!

Но, увы, я давно дал зарок:
никого не пускать к себе в душу,
и ответить на письма - не смог.
Я - пустыня. Пойми и послушай:

не могу твоим чувством играть.
Не хочу, промолчу, не солгу я!
Не могу тебя походя взять,
как я взял бы любую другую.

Над душой моей властвует рок,
он рулетку судьбы моей вертит.
Я кружусь, как осенний листок,
равнодушный и к жизни, и к смерти.

Так хотелось бы, в этой тоске,
безоглядной любовью забыться!

Но цветы не растут на песке.
Но пустыню не жалуют птицы.

Душевной теплотой согреты,
не прогоняйте меня прочь
и, на одну хотя бы ночь,
утешьте бедного поэта,
дабы не умер он от скуки
и жизни вкус не утерял,
дабы обрел в Вас идеал
и долго после повторял:
«Ах, эти губы... эти руки...»
Я их с восторгом целовал
и вспоминал, и вспоминал
в часы унылые разлуки.
Без Вас не мил мне белый свет,
и смерть подходит к изголовью.
Нет веры и надежды нет,
живу, дышу одной любовью.

Новогодний вальс

Старый Дракон устал,
просится на покой.
Пусть новогодний бал
властвует над Землёй.

Шествует новый век,
запросто, без границ.
Выпьем за женский смех,
за лёгкий взмах ресниц,

за изумрудность глаз,
за невесомость рук...
Пары танцуют вальс,
чертят за кругом круг.

Кружится с веком век,
кружится шар земной,
кружится мягкий снег,
кружитесь Вы со мной.

И, под курантов звон,
в первый полночный час
я признаюсь: «Влюблён!»
и добавляю: «в Вас!»

Мадам

Я ангел - хранитель, согласно приказу,
на пост заступаю в назначенный час.
Мадам, мы не виделись с Вами ни разу,
но я уже многое знаю о Вас.
Ваш возраст - за 30, размер - 48,
лицо и фигура в порядке вполне.
Вы смотрите классно, однако же, осень
уже обозначилась в Вашем окне.
Вы замужем были, увы, неудачно
и опыт семейный свели к двум словам:
«Мужчины — мерзавцы». Ну да, однозначно!
Так с этим никто и не спорит, мадам.
Простим их, блуждающих по лабиринтам
своих прегрешений, ведь люди - рабы
высоких страстей или низких инстинктов,
а в общем - игрушки в ладонях судьбы.
Всё может назавтра пойти по-другому,
и я постараюсь Вам в этом помочь.
Но Вас одиночество гонит из дому
в сырую, глухую, промозглую ночь.
Мне кажется эта затея опасной
(Вы ночью весьма уязвимы, мадам)
и, не рассыпаясь в советах напрасно,
я просто за Вами спешу по пятам.
Слегка в отдаленье витаю незримо,
держа направление на стук каблуков,
шарахаясь от проносящихся мимо,

снабжённых колесами длинных гробов
(а в них, за стеклом, карнавальные маски,
с застывшим оскалом, летящим во тьму).
Мадам, Вы же любите русские сказки,
и вся эта «готика» Вам ни к чему.
Вам, всё-таки, следует быть осторожней,
как первопроходцу на горной тропе.
Зачем устремляетесь Вы в придорожный
кабак, под приличным названьем «кафе»?
Ну-у, здесь Вам не место! Здесь пахнет развратом,
от бешеных ритмов дрожит потолок,
на Ваши колени нацелился взглядом
какой-то подпитый мордатый «браток»;
нетрезвый кавказец, забывший побриться,
пытается Вам отпустить комплимент...
Мадам, Вы надеялись встретить здесь принца?
Теперь убедились, что принцев здесь нет?
На воздух, на воздух! Вы сами не рады,
приблизившись к этой опасной черте:
уже проникают под Ваши наряды
и шарят по телу в густой темноте
мохнатые лапы эфирных течений
и скользкие пальцы прохлады ночной.
Мадам, может хватит уже приключений?
Прошу Вас, мадам, возвращайтесь домой
красиво и стройно, прямая как вызов,
бросаемый людям, годам, зеркалам...
О нет, не включайте сейчас телевизор,
не трогайте Ваши журналы, мадам.
Снимите, отбросьте подальше одежды,
печальные мысли отправьте вдогон.
Прилягте. Сейчас Вы уснёте. Но прежде
очнётся молчавший весь день телефон,
и ласковый голос, немного усталый,
расскажет, с дрожащей мембраны слетев,
что важно в наш век сохранять идеалы
и не растворяться в мирской суете.
Что счастье по свету гуляет кругами
и принц к Вам приедет на белом коне

(не все ещё принцы погибли в Афгане,
в бандитских разборках, в чеченской войне),
маршруты своих путешествий расширив,
он скоро появится в нашей глуши
и выше любого сокровища в мире
оценит жемчужину Вашей души.
А дальше всё будет понятно и просто,
как в старых романах с хорошим концом:
Ваш принц увезёт Вас на сказочный остров
любви и покоя, садов и дворцов.
Там яркие звёзды плывут в хороводе,
там реки прозрачны и травы густы,
а танцы, под звуки забытых мелодий,
исполнены грации и чистоты.
Там радуют слух менестрелей напевы,
и взоры ласкает прекрасный пейзаж,
там жители выберут Вас королевой
и весь этот мир будет полностью Ваш...

Чудесное будущее напорочив,
я времени Вам на расспросы не дам
и трубку повешу, шепнув: «Доброй ночи».
Теперь улыбнитесь, и спите, мадам.
Когда успокоятся Ваши ресницы
и губы сомкнутся, улыбку тая,
Вам кто-то желанный и близкий приснится.
К досаде моей, это буду не я.

Сплин

В Курганинске зимой
полощет мелкий дождик,
шуршит по мостовой
и по зонтам прохожих.

У горла стиснув плащ,
с тоскою смотрим в небо:
так хочется тепла
или, хотя бы, снега.

Кубанская зима:
туман упал на город,
на мокрые дома,
на серые заборы,

тяжёл и недвижим
он кажется нам вечным.
Курганинск стал чужим,
угрюмым и зловещим.

И мы со всех концов
бредём гуськом, уставши,
как будто с нас «Слепцов»
рисует Брейгель - Старший.

Февральские «окна»

На север отползает стужа,
отогревается земля,
лишь поутру на мелких лужах
блестят осколки февраля.

Свободно солнечные стрелы
пронзают сад наискосок,
и птица пробует несмело
зимой осипший голосок.

Люблю под эту трель проснуться
и, не вставая ото сна,
в постели сладко потянуться,
протяжно выдохнув: «Весна-а!»

Весеннее

Привыкаем к хорошей погоде,
да она не в диковину, вроде,

ведь зима на Кубани не в моде,
но приятно - весна на подходе.

Как известно, Курганинск не Сочи,
мы приметам весны рады очень:
всё теплее становятся ночи,
дни длиннее, а юбки - короче.

Я старею, седею, лысею,
добро-вечно-разумное сею,
но весною хожу ротошеем
и на встречах девчонок глазею.

Ах, какие здесь акселератки,
уложив дневники и тетрадки,
уделив четверть часа зарядке,
в школу шествуют в полном порядке.

Всё при них: взгляд, осанка, колени...
Нет в глазах нашей пьяни и лени,
им не свойственны страх и сомненье -
деловое растёт поколение.

Незнакомые, свежие лица
(вам таких не увидеть в столицах),
все, кем будет Россия гордиться,
здесь пока, в городках и станицах,

с веком нынешним топают в ногу.
Я их чуть опасаюсь, ей-богу,
на обочину жмусь понемногу -
молодым уступаю дорогу.

Весна в Курганинске

Опять кудесница весна
привычно сотворяет чудо
и высыпает изумруды
на землю серую она.

Не сокрушаясь ни о чём,
внезапно вырвавшись на волю,
весна по голубому полю
играет солнечным мячом

и вдруг, немного погодя,
омоет города и веси,
проход под радугой завесив
блестящей кисеёй дождя.

Курганинск стряхивает сны,
в порядок сам себя приводит.
Стараясь, в унисон природе,
сыграть симфонию весны

он, красотой своею горд
и зеленью садов увенчан,
на улицы выводит женщин,
как завершающий аккорд.

Они идут во всей красе,
словно античные богини
(мужчины, восхищаясь ими,
весною молодеют все).

В моей мужской груди они
такое разжигают пламя,
что исключительно стихами
я изъясняюсь в эти дни!

Прогулка

Бережно кладёт мазки осень
и заботится о нас тоже:
добавляет нам в виски проседь,
и морщинки возле глаз множит.

Шевелит в траве листву ветер,
подгоняя лист к листу в пляске.

Лес стремится в синеву, светел.
Я не по лесу иду - в сказке.

Дремлет в солнечном пятне пчёлка,
может ей душистый мёд снится.
Разместившись на сосне, долго
обсуждают свой отлёт птицы.

Вот, забравшись на сучок белый,
(так удобней распускать снасти)
улетает паучок смелый,
паучинога искать счастья.

Ну а я свое нашёл - бросил
(и лежит в пыли оно где-то),
отвернулся и ушёл в осень.
Моя песенка давно спета.

Много солнечных вокруг пятен.
Стелет лес передо мной тропы,
и меня мой давний друг дятел
проводит цирковой дробью.

Межсезонье

Бесконечно сыро в целом свете,
и дожди повесились с тоски.
Жадный ростовщик - осенний ветер
золотом наполнил сундуки,

оборвав последние наряды
с беззащитных тоненьких берёз,
и упрятал в подземельях клады,
и ключи от них с собой унёс.

Свесив руки-ветви безнадежно,
плачет лес, как малое дитя,
ждёт, когда зима вернёт одежды,
серебром за золото платя.

Церемония

Порой осенней, к середине дня
особо разгуляется ненастье,
и женщины, любившие меня,
наденут свои траурные платья,
и ухмыльнутся радостно враги.
А дальше будет всё обыкновенно:
помятые хмельные мужики
нестройно спародируют Шопена,
и мужественно помолчат друзья,
усильем волевым сдержав зевоту;
и слёзы будут (здесь без слёз нельзя),
и речь толкнуть пытаться будет кто-то:
как жил, что делал и о чём мечтал
(в автобусе, меж тем, уж станет тесно
от тех, кто процедуру посчитал
затянутой и малоинтересной).
Но всё проходит. Даже ты уйдёшь,
шепнув прощально: «Спи спокойно, милый».
И только дождь, холодный мелкий дождь
всю ночь проплачет над моей могилой.

Бомж.

«И на груди его светилась...»

М. Исаковский

Пролетают часы
(лёгкий шорох опавших минут),
и бездомные псы
на колени мне лапы кладут.

Эх, дворняги-друзья,
мы сроднились судьбой и душой:
в этом городе я
одиноким, забытым, чужой.

Горький дым сигарет
завивается над головой.
«Сколько зим, сколько лет!
Что ж, бродяга, - худой, но живой?»

Добродушный барбос
мне в ответ завиляет хвостом,
дескать, что за вопрос:
всё путём, старина, всё - потом.

Если прошлого нет,
что тогда человек, чем живёт?
Горький дым сигарет.
Да медаль за афганский поход.

Пешка.

На двухцветной большой доске
строимся в суете и спешке.
Был приказ: начинают пешки,
и зажат я в чужой руке.

Не увижу в лицо врага
(мне забыли глаза прорезать),
я шагаю на лязг железа,
посвист пули и звон штыка.

В трудном деле, я - вот он весь,
атакую, ловлю удачу,
знаю - сам я не много значу,
но за мною укрылся ферзь.

И наградой мне маячит,
сквозь упругую тёмную даль,
та заветная горизонталь,
на которой я стану зрячим.

Вечный солдат

Я - всех прошедших войн солдат,
во всех сражениях убитый,
вступивший в бой ещё тогда,
в сырых пещерах неолита,
когда какой-то мелкий спор
вдруг перерос в большую драку.
Сжимая каменный топор,
я первым бросился в атаку
и, вот уж, десять тысяч лет
я строю жизнь, свою и близких,
из поражений и побед,
удачи, страха, боли, риска.

Я обещал, что отомщу
и хоронил друзей останки,
вращал над головой пращу,
врывался в города на танке,
смыкал нестройные ряды
фаланги, легионы, роты,
валился с крепостных твердынь,
шёл, в полный рост, на пулеметы,
нырял под воду, в горы лез,
был янычаром, шведом, русским,
бежал с копьём наперевес
и нажимал на кнопку пуска.

Медалей золотом блестя,
шуршащий орденою лентой,
ведомый волею вождя,
монарха или президента,
всегда имея бравый вид
и маршируя в ногу с веком,
я - всех прошедших войн калека
и всех сражений инвалид -
беспрекословно погибал,
в парадном застывал строю я...
И никогда не понимал:
за что же, всё-таки, воюю.

Беспокойство

«Иду на вы!»

князь Святослав

Мы ходили «на вы», покоряли чужие столицы,
к их воротам щиты прибивали на память врагам;
перед Богом правы, сотни лет расширяли границы,
поклонялись святым, хлеб растили и строили храм.

В нас желание одно - чтоб наладилась жизнь понемногу,
чтоб невесты, как встарь, шить могли подвенечный наряд...
Только не суждено: где-то грянули трубы тревогу
и убитый звонарь, умирая, ударил в набат.

Значит снова - беда. То ли, мутным вселенским потоком,
покатилась на нас, азиатских горячих кровей,
кочевая орда. То ли это старуха Европа
разложила пасьянс из, не битых ещё, королей.

Время ринулось вскачь. Небо молнии крошат косые,
и теперь мы с тобой сможем видаться только во сне.
Не печалься, не плачь. Знать, такая судьба у России:
новый век - новый бой. И мужчины седлают коней.

Лёгкий свадебный вальс заглушило «Прощанье славянки»,
мы, разбившись на пары, целуем подруг в сотый раз.
Уезжаем от вас на коне, в эшелоне, на танке.
Поступаем в гусары, в десантники или в спецназ.

Память русских солдат... Наши войны, пожары, потери
накопились в крови за двенадцать прошедших веков.
Беспокоят, не спят. Мы в короткое счастье не верим.
Мы поспешны в любви. Мы всегда ожидаем врагов.

Лихолетье

Расплескалось море зла. Не осилить.
Покосились купола над Россией.
Смотрим мы поверх голов. Ждём кого-то?
Облетает с куполов позолота.

Храм бы выстроить сейчас! Но... о чём вы?
Стенька Разин крепок в нас, с Пугачёвым:
на груди, своей рукой, рвём рубаху -
погулять годок-другой, да на плаху.

Наплодил вождей народ в доме нашем.
Каждый за собой зовёт, флагом машет.
И по кругу бродим мы, спотыкаясь,
от тюрьмы да от сумы зарекаясь.

К бороде стакан несём, не пьянея,
по привычке валим всё на еврея...
Потоптались по Руси ханы, хамы,
некому, Господь спаси, строить храмы:

и секреты не вчера позабыты,
и в Сибири мастера позарыты.
Сколько храмов (и голов) поносили!
Звон, как плач, колоколов по России.

Нам бы бросить враждовать, полунищим,
нам бы флаги - рассовать в голенище,
нам бы посветлеть лицом, и упрямо,
вместо тюрем и дворцов - строить храмы!

Мартиролог

Судьба российского поэта
горька, насмешлива, трудна,
людскою завистью задета
и унижением полна.

Когда же он, пройдя сквозь муки,
вдруг, преждевременно умрёт -
Россия, умывает руки,
холодные ладони трёт.

Жесток мартиролог поэтов:
на протяжении веков
в нём вписан первым Грибоедов,
последним занесён Тальков.

В том скорбном списке - цвет России
и горе с болью пополам,
в нём Пушкин, Лермонтов, Васильев,
в нём Гумилёв и Мандельштам,

Рубцов и Кедрин... Вспомнишь разве
их всех, умолкших на века
у Чёрной речки, на Кавказе,
или в застенках ВЧК.

Российский спорт - стрельба в поэта,
в упор, впритык, наверняка...
И песня лучшая не спета,
и не дописана строка.

Вороны.

Опоясалась Русь болотами,
как естественными границами,
и не раз на неё походами
наезжали красавцы-рыцари,
все в стальную броню закованы,
все весёлые и беспечные.
Наблюдали за ними вороны -
птицы вещие, птицы вечные -
за весёлым смехом и криками
различали их речи гордые:
«Покорим эти земли дикие!
Наведём здесь порядки твёрдые!»

Отправлялись на Русь колоннами -
поразмяться да поохотиться.
Не спешили за ними вороны,
зная-ведая, чем всё кончится:
побегут они вспять, гонимые,
как бежали давно их прадеды,
что теряли здесь копыта длинные
и тонули с добычей краденой,
зарастали травой болотною,
завещали сынам: «Глядите,
не ходите на Русь пехотою,
да и конницей - не ходите!»
Сыновья обещали навеки
помнить битых отцов заветы,
но о них забывали правнуки:
снаряжали войска, при этом
всё косились на нашу сторону,
рисовали планы зловещие.
И готовились к пиру вороны -
птицы вечные, птицы вещие -
тяжело летя над болотами.
Сколько битых врагов лежало здесь!
Не ходите на Русь походами.
А пойдёте - потом не жалуйтесь.

Кооперативная сказка.

По-над речкой, сквозь кусты,
по тропинке узкой
едет старый Богатырь
в новой сказке русской.

Спал он много лет, и вот
выехал размяться,
добрый конь его несёт
к лесу - прогуляться.

Речка быстрая бежит
с берегами вровень,

через речку мост лежит
из дубовых брёвен.

Всё - знакомые места,
много раз здесь бились.
Вот опять, из под моста
Змей Горыныч вылез,

стал, как прежде, на пути,
весь в грязи да в тине
и орёт: «Давай, плати
за проезд полтинник!»

А ведь битым был - не раз!
Богатырь бывалый
по привычке Змею в глаз
двинул для начала.

Но не принял боя тот:
«Ты с ума, что ль, спятил?!»
И бумагу достаёт
с гербовой печатью:

«У меня патент вот есть!
Из-за этих шуток
можешь запросто подсесть
на пятнадцать суток!»

«Аль обманом хочешь взять?
Ах ты, вражья сила!
Зна-а-ешь, что меня читать
мать не научила.

Только я не так уж прост -
бейся, гад противный!»
Змей вопит: «Да это ж мост -
ко-о-пе-ра-тив-ный!

Ты, приятель, долго спал -
лет прошло немало -

в нашей сказке каждый стал
ин-ди-ви-ду-а-лом.

Зашибается денюга
сметкой да талантом:
возит бабушка Яга
в ступе экскурсантов,

гонит бочками Кощей
эликсир бессмертья,
скупку краденых вещей
затевают Черти,

арендует Вурдалак
ателье «Покойник»,
держит собственный кабак
Соловей-Разбойник.

Кот учёный продаёт
модные пластинки.
Даже князь Владимир - шьёт
шапки-невидимки!

Я вот мост хвостом мету,
брёвна тру сырые,
навожу здесь чистоту
и санитарию».

Богатырь взглянул на хвост,
Змея отодвинул
и проехал через мост,
заплатив полтину.

А в лесу - прилавки в ряд,
сизый дым шашлычный,
за прилавками стоят
ведьмы поприличней.

Вековых дубов давно
и в помине нету,

но, зато, полным-полно
платных туалетов.

Превращают лес в пустырь
колдуны да бесы.
Едет шагом Богатырь,
голову повесил.

Размышляет тяжело:
«Что же это, братцы,
дело до чего дошло -
не с кем стало драться.

Только выдался момент,
покрестясь, начати -
он суёт мне документ
с кучею печатей.

Стало быть, его не трожь,
он с патентом - смелый!
Не-ет, придется, хошь-не хошь,
прибиваться к делу».

И теперь, прослышал я,
Богатырь бывалый
в кабаке у Соловья
служит вышибалой.

Забулдыг лесных трясти
учится умело,
и мечтает завести
собственное дело.

Ностальгия

Курганинский район - станицы с хуторами
и город над Лабой, укрывшийся садами,
таинственный покой сарматского кургана,
простор до самых гор и воздух свежий, пряный,

добротные дома, благополучья знаки,
и легендарный фильм «Кубанские казаки»,
торжественный обряд богослуженья в храме
и стайки облаков плывут над куполами
под колокольный звон.
Курганинский район.

Здесь протекает жизнь без суеты напрасной,
мужчины здесь добры, а женщины прекрасны
и девушки нежны, и беззаботны дети,
и прямо из земли здесь вырастают деньги,
а щедрый чернозём не устаёт при этом
крестьянина кормить и вдохновлять поэта.
Даровано судьбой сюда нам возвращаться
и если хочет кто над суетой подняться -
пусть приезжает он
в Курганинский район.

Я рос в твоих садах, в твоих учился школах,
я здесь обрёл друзей, весёлых и рискованных,
из памяти моей им никуда не деться
(с годами всё сильнее воспоминанья детства)
и, жизни испытав суровую реальность,
я берегу в душе свою провинциальность.
Надёжный мой причал, источник моей силы!
Куда бы далеко меня ни заносило,
ты - мой счастливый сон,
Курганинский район.

В Курганинске

Здесь всё привычно, близко и знакомо:
в курганах дремлют скифы и сарматы,
и солнце, взяв разбег с аэродрома,
к исходу дня нырнёт за элеватор.

Но, над вершиной храма зависая,
успеет всем послать благословенье:

живите в мире, слёз и бед не зная,
преодолев тревоги и сомненья.

Темнеют на скамье в старинном парке
мой и, плюс, твои инициалы.
В погожий день (но чтоб не очень жаркий)
здесь любят отдыхать провинциалы:

степенные старушки-богомолки
и казаки с роскошными усами,
и шумные смешливые подростки,
и гордые мамы с малышами.

И мы когда-то в этих же аллеях
велосипед гоняли трёхколёсный,
а после, подрастая и взрослея,
влюблялись здесь надолго и серьёзно,

не замечая грани тонкой, зыбкой,
и становясь с годами всё степенней.
А тополя, с насмешливой улыбкой,
отслеживают смену поколений.

Шумят они, свидетели столетья,
заботливо клонясь над нами всеми,
им солнце греет спутанные ветви
и тихо по стволам стекает время,

они, давно уж, в сумерках станицы
отсвечивали гладкою корой, но
морщинят годы и стволы, и лица.
Всё это надо принимать достойно,

тому, что жизнь покажется короткой,
не удивляться (сколько нам осталось:
идёшь себе пружинистой походкой,
а по следам уже крадётсЯ старость),

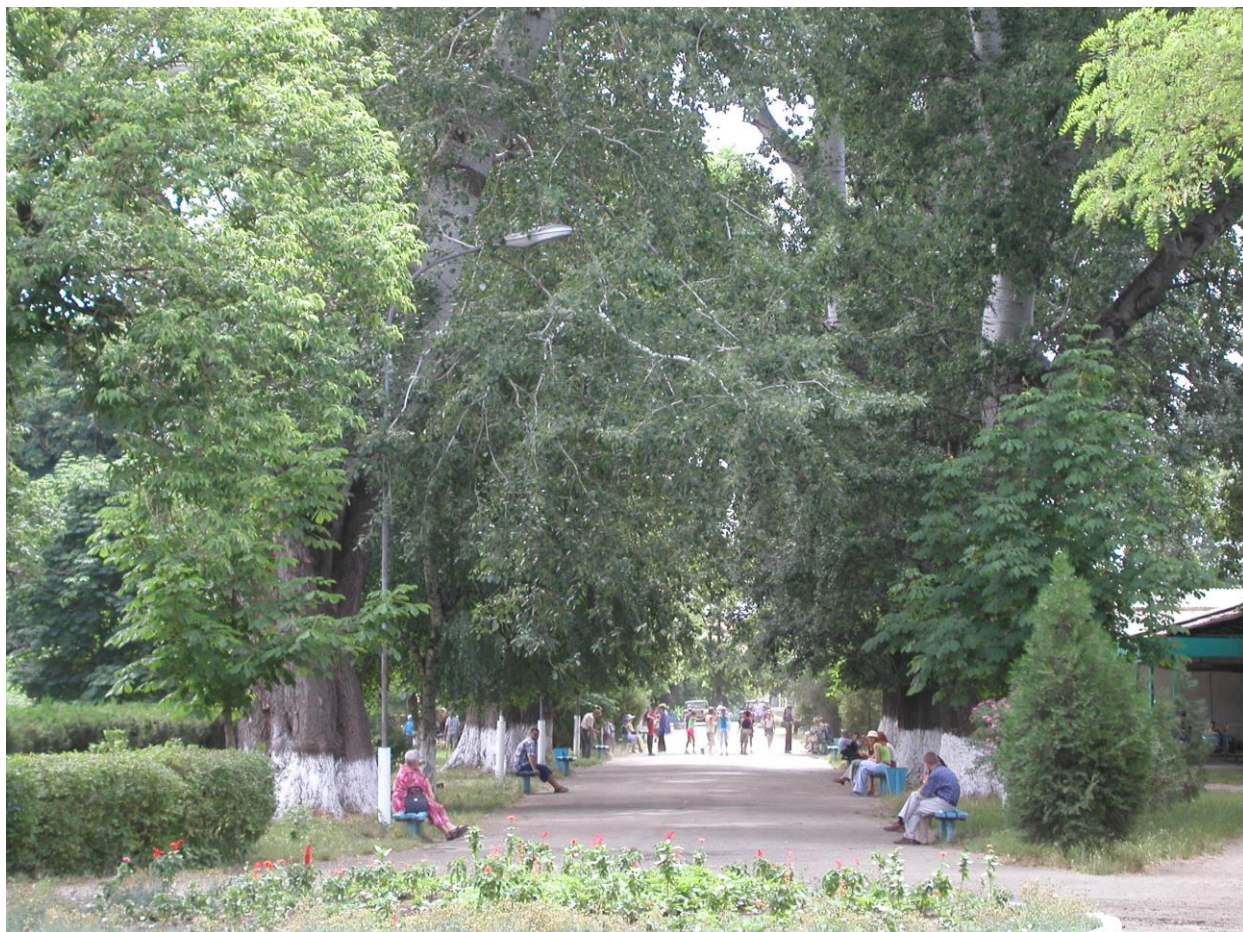
ведь дни ползут, но годы - пролетают.
Так радуйся, пока ты бодр и молод!

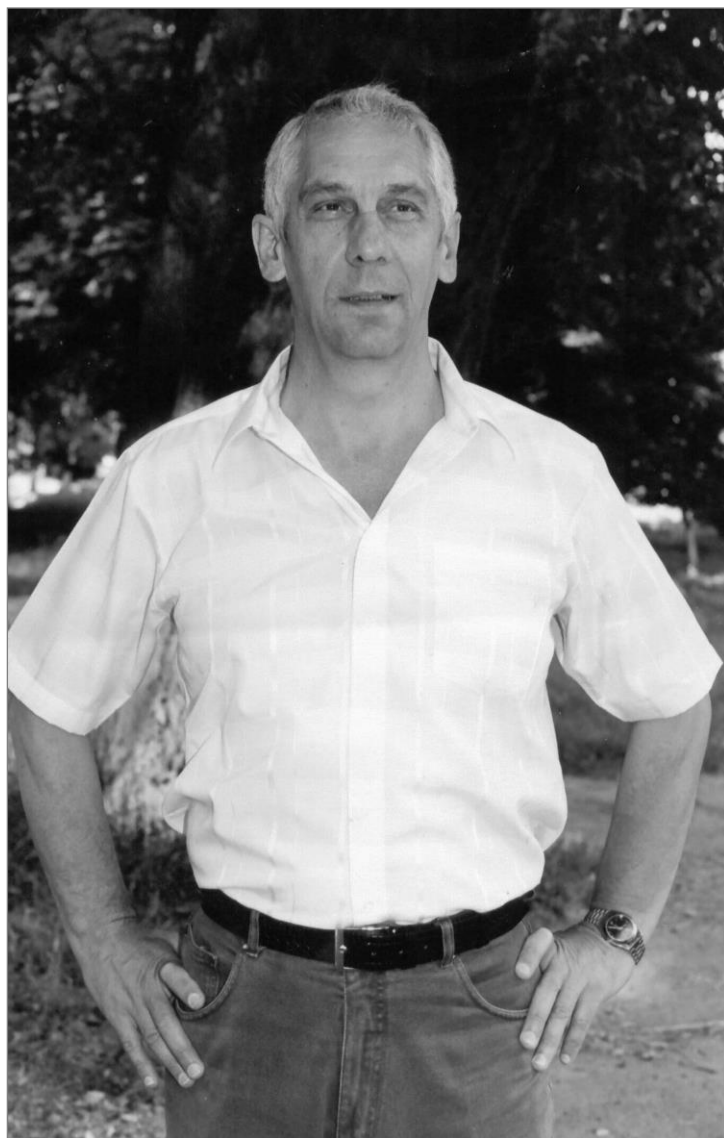
И подрастают, быстро подрастают
все те, кому мы свой оставим город.

Они, как мы, по жизни катят с горки
(ну, разве что - по новому одеты),
всё так же у ребят свои разборки,
всё те же у девчат свои секреты.

Весенними ночами на скамейках
рассядутся они, как мы когда-то,
и выведут на этих гладких рейках
другие буквы и другие даты,

а после, повзрослев и успокоясь,
воспоминанья отряхнут от пыли
и, может быть, о нас напишут повесть,
начав её словами: «Жили-были...»

О чём грустит поэт на склоне лет... да не грустим мы с Музой, а смеёмся. Поклонниц нет и меценатов нет? И ладно. И не надо. Обойдёмся. Я убеждаюсь, подводя итог, что справедлив круговорот в природе: где Музу я водил под локоток, теперь меня за палец внушка водит, и я стараюсь уравнивать шаги с её, ещё не твёрдыми, шагами. Ты полюби её и сбереги, как ты всегда берёг меня, Курганинск. Я целиком тебе принадлежу (и есть тому достаточно примеров), я здесь по жизни вброд перехожу от пионера до пенсионера.

СОДЕРЖАНИЕ

Цыганка.....	5
Парадокс.....	6
Темрюк	7
Соловьём не может.....	9
Поговорим сегодня о тебе.....	9
Ждать тебя	10
Не зовёшь.....	10
То ли дождь.....	11
Сквозь туман.....	12
Мечтаю о тебе.....	12
Я к тебе одной.....	13
Бесконечное время течёт.....	13
Я зиму пережил.....	14
Когда ты со мною.....	15
Мне перестали сниться сны.....	15
Извини.....	16
Душевной теплотой.....	17
Новогодний вальс.....	17
Мадам.....	18
Сплин.....	20
Февральские «окна».....	21
Весеннее.....	21
Весна в Курганинске.....	22
Прогулка.....	23
Межсезонье.....	24
Церемония.....	25
Бомж.....	25
Пешка.....	26
Вечный солдат.....	27
Беспокойство.....	28
Лихолетье.....	29
Мартиролог.....	29
Вороны.....	30
Кооперативная сказка.....	31
Ностальгия.....	34
В Курганинске.....	35

Составитель: В.Фатеев
Компьютерная верстка: В. Гордиенко, Н. Савченко, М. Христенко, Н. Гунько
Ответственный за выпуск: Л.Н. Глазунова
352430 Краснодарский край г. Курганинск, ул. Калинина, 46,
тел. 2-10-12
E-mail: mcbs_kurg@mail.ru
сайт: kurg-biblioteka.ru